

Пользователи становятся действенной силой хотя бы вследствие резкого увеличения пассажиропотока: «В метро сталинского времени пассажир был редок, что способствовало превращению его в часть тотального художественного произведения. Современное же метро перевозит, девять миллионов пассажиров в день» (Рыклин, 2005).

Почему горожане пользуются метро? На протяжении полутора веков ответ на этот вопрос практически не менялся, но сегодняшние рассказы метропользователей обнаруживают гораздо более сложно устроенную систему аргументации. Выбор метро, в случае, когда он является выбором, а не «унаследованной практикой», городским автоматизмом или единственно доступной возможностью, – это не только предпочтение конкретных маршрутов, но и иногда вполне рефлексивный, иногда находящийся на грани осознаваемого выбор переживаемых состояний, способов проведения времени, отношений с городом и собственной повседневностью.

Метро – технология и пространственная организация, ставшая одним из наиболее значимых символов современного мегаполиса. Несмотря на значительную предзаданность сценариев использования и смысловых координат, а также изрядно подмоченную в последнее время репутацию, метро воспринимается современными горожанами не только как средство транзита, но и как важный инструмент выстраивания отношений с городом и своими повседневными опытами. В перенасыщенном городе метро с его минималистской средой (по сравнению с многообразием наземного мира) активно используется горожанами как «настройка» желаемой интенсивности городской жизни, включенности в современные технологии связи. Его условно можно назвать одним из последних городских фронтиров – «старой доброй» технологией, применяемой против постоянно совершенствующихся девайсов и технологических систем.

Карлова Е. А. д-р. экон. наук, профессор,
Радионова Л. А., канд. филос. наук, доцент,
Склярчук Н. И. канд. экон. наук, доцент

*Харьковский национальный университет городского хозяйства
имени А. Н. Бекетова, Украина*

ТЕРТИАРИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ ГОРОДОВ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Города, претерпевшие в свое время значительные перемены под влиянием индустриализации, урбанизации и образования национальных государств, теперь видоизменяются под воздействием новых экономических и технологических сил, которые, будучи глобальными и универсальными по своей природе, могут, если их правильно использовать, открыть городам

новые возможности для формирования и поддержания развития, подтверждая их историческую цивилизаторскую миссию.

Сущность богатства и характер процесса, в ходе которого богатство создается, в эпоху постмодерна существенно меняются. Производство и потребление становятся все более наукоемкими, и города утрачивают свою роль центров промышленного производства, а их развитие все больше связывается с науками и образованием, а это предполагает фундаментальные изменения в развитии городов. Экономика городов трансформируется: главное место принадлежит уже не производству и вывозу готовой продукции на мировой рынок, а экспорту решений и знаний. По мере перехода городской экономики от массового производства к коллективному мастерству, основанному на совокупной компетенции и объединении усилий по стратегическим направлениям, культура городов становится более открытой, не столь иерархической, базирующейся, прежде всего, на знаниях и заинтересованной скорее в повышении качества жизни и улучшении человеческой среды, чем в количественных показателях.

Эти перемены происходят благодаря тому, что научные знания становятся стратегическим ресурсом мирового сообщества. Развитие, основанное на научных знаниях, и определяется факторами, которые отличаются от тех, которые связаны с производством промышленных товаров. Оно зависит главным образом от пригодности для жизни городов, то есть от коллективной компетенции, культуры научных знаний и качества жизни, предлагаемая городом. Поскольку научные знания опираются на определенную культуру и концентрируются главным образом в городах, у них больше возможностей формировать собственное развитие путем укрепления своей коллективной компетенции, культуры и организации научных знаний, которые образуют их новую институционально-научную базу. Выявляя, закрепляя и развивая свои научно-образовательные ресурсы и культуру научных знаний, города в состоянии создавать условия, способствующие основанному на научных знаниях развитию.

Бурный рост сферы услуг и ее роли в современной экономике в последние десятилетия привел к тому, что этот период можно рассматривать как некоторую «революцию услуг» (или «третичную революцию», *тертиаризацию, tertiarisation*) по аналогии с промышленной революцией XVIII-XIX веков (индустриализацией). В целом процесс нарастания роли третичного сектора на фоне дезиндустриализации заметно ускорился, начиная с 60-х годов прошлого века. Это отмечается не только в фазах экономического подъема, но и в периоды стагнации. Осмысление этих тенденций привело к общей концепции общества посмодерна. В последние десятилетия эти процессы вторглись и в сферу внешнеэкономических связей. Интенсивность проявления тертиаризации зависит от конкретной страны и города, весьма значимы различия в динамике отдельных видов услуг. Процессы дезиндустриализации также существенно различаются по этим аспектам.

Упадок обрабатывающей промышленности в мегаполисах развитых стран не свидетельствует об упадке самих городов, которые стали сейчас, по преимуществу, центрами управления. Оно в большей степени, чем непосредственное материальное производство, является основной градообразующей функцией таких городов. Усиление роли профессий третичного типа, обслуживающих не только конечный спрос, но и производственные процессы сельского хозяйства и промышленности, лежит в русле общей закономерности нарастания экономической важности отношений обслуживания. Это обусловлено тенденцией к специализации производственных операций. В результате удастся резко повысить производительность труда за счет механизации и автоматизации рутинных операций, что снижая долю таких операций в общих издержках, выявляет особое значение операций менее стандартизованных.

Дезиндустриализация не означает, что промышленное производство обречено на полное исчезновение, однако в современной экономике развитых стран такое производство не ограничивается заводами, где рабочие профессии представляют основную часть фактора труда. Современная промышленность интегрирована в сложные организационные схемы, в которых «увязаны» между собой наука и вопросы производства и сбыта, задействованы экономические агенты во многих городах.

Именно поэтому представляются нереальными мечты и планы многих социальных слоев Украины о полномасштабном восстановлении промышленного производства в стране. Гипертрофированное развитие промышленности и архаичная недооценка сферы услуг были характерны для всей послевоенной политики экономического развития СССР. Структура видов экономической деятельности приобретала все более деформированный характер. Само существование подобной структуры было возможно лишь благодаря системе государственного заказа, что позволяло финансировать искусственно созданные нежизнеспособные предприятия военно-промышленного комплекса. Отсутствие необходимых инвестиций в легкую промышленность не позволяло сократить все увеличивающийся разрыв между советскими предприятиями и аналогичными фирмами в динамично развивающихся странах третьего мира (Южная Корея, Тайвань, Тайланд) и в Китае. Однако легкая промышленность выживала в рамках весьма протекционистской политики Советского Союза. В современных условиях острой международной конкуренции большинство отечественных предприятий не может самостоятельно выйти из кризиса, который обнаружил всю искусственность производственной структуры. Она была подчинена общему политическому курсу руководства. Бремя ответственности за выход из производственного кризиса, за спасение стагнирующих монофункциональных городов лежит, прежде всего, на органах власти общенационального уровня. Без их поддержки для отдельных предприятий и местных органов власти эта задача представляется нам

неразрешимой. Неизбежен масштабный сдвиг в системе рабочих мест Украины с замещением промышленности предприятиями сферы услуг.

При этом можно отметить следующий парадокс: из основных деловых центров мира «уходят» весьма современные промышленные отрасли, однако там остаются традиционные (но достаточно часто ориентированные на престижные группы товаров) виды промышленности. Многие из них именно в силу своей традиционности в значительной мере базируются на ручном труде, полуремесленного характера, требующего достаточно высокой квалификации. Эти особенности весьма характерны для немассовых, почти индивидуальных видов производства (например, малые партии модных швейных изделий), что существенно сближает их с услугами, поэтому многие специалисты в своих исследованиях относят их к третичному сектору.

Так, например, в Нью-Йорке металлургия и химическая промышленность в последние десятилетия были почти полностью вытеснены даже из пригородной зоны, в то же время предприятия швейной промышленности сохранились даже в его центральной зоне. Аналогичный упадок этих отраслей наблюдался и в агломерации Большого Парижа, для которой в целом было характерно вытеснение промышленности, выпускающей промежуточную продукцию. В то же время, шел бурный процесс создания управленческих офисов в западном пригороде Парижа, в том числе, представляющих эти отрасли промышленности. В рамках Большого Парижа также успешно функционируют отрасли промышленности товаров конечного потребления (текстиль, кожа, мебель, полиграфическая продукция).

В этом отношении весьма характерен рынок произведений искусства. В современных мегаполисах сформировалась целая отрасль по созданию таких произведений, для которой характерна определенная деперсонализированность творчества. В отличие от крупных мастеров с их высокоиндивидуальными работами сложился достаточно многочисленный слой городских художников и художественных ремесленников, ориентированных на массового покупателя.

В центральных зонах мегаполисов выделились кварталы, специализирующиеся на подобном полуремесленном творчестве, ориентированные на особые колебания эстетической конъюнктуры. Здесь появляется своя «отраслевая» инфраструктура (мастерские, выставочные галереи, художественные салоны, торговые залы, модные магазины) и свои характерные виды производственных услуг и профессий (эксперты, торговцы-посредники, фотографы и т.д.).

Рассматривая различия между странами, исследователи отмечают достаточно тесную связь между уровнем урбанизации страны и развитостью в ней сферы услуг. Для ее роста крайне важны два ведущих экономических процесса современной экономики.

1. Усиливающееся разделение труда, которое углубляет специализацию фирм, видов деятельности и т.д.

2. Экстернализация все большего числа таких видов деятельности.

В свою очередь это способствует функциональному разделению городов, в том числе усилению ориентации многих из них на отдельные группы отраслей третичного и четвертичного секторов, что способствует возникновению в них многих новых мелких и средних предприятий этих отраслей. Роль третичного сектора в формировании структуры системы городов была осознана уже в довоенный период, что нашло свое отражение в теории центральных мест Кристаллера. В 50-е годы это стало достаточно общепризнанным. Так, например, понимание ведущей роли многих видов обслуживания в организации территории легли в основу политики развития каркаса городов, принятой на вооружение государственными органами Франции.

Бурное развитие сферы услуг привело к значительной дифференциации этого сектора. Все более важную роль в современной экономике играют фондовые и товарные биржи, банки, страховые компании (ориентированные, как на обслуживание предприятий, так и частных лиц), а также другие фирмы, предоставляющие услуги для бизнеса, все эти услуги занимают особое место в спектре функций третичного сектора. Общий объем именно этих услуг растет опережающими темпами и составляет сейчас весьма значительную долю в данном секторе. В развитых странах эти отрасли входят в состав наиболее быстро растущей группы отраслей. Это заставляет многих исследователей при формировании типологии отраслей хозяйства, выделить их в особый четвертичный сектор (*quaternary sector, secteur quaternaire*) экономики. Пока нет устоявшегося определения этого понятия. В первую очередь к этому сектору относят услуги финансового характера, прочие услуги, связанные с привлечением специалистов высокого уровня (бухгалтеров, адвокатов, агентов по рекламе, консультантов по маркетингу и т.д.), а также услуги по передаче и технической обработке информации.

Данная группа отраслей несомненно динамична. Исследователи выделяют три основные фазы в развитии спроса на услуги для бизнеса в странах Западной Европы. 1950-1960 гг. Решение административных, юридических, налоговых, бухгалтерских или сбытовых проблем с привлечением соответствующих услуг. 1965-1975 гг. Экстернализация некоторых производственных операций (экономия на издержках, при покупке услуг непрофильных для управления производством и сбытом: охрана, уборка, питание, доставка персонала, начисление зарплаты и выписывание счетов (факторинг). После 1975 г. стремление к компетентности и развитию синергии, приводящее к покупке следующих типов услуг:

а) связанные с модификацией технологий, особенно с информатизацией производства;

б) связанные с активным продвижением продукта на рынки сбыта (подробные исследования рынка, консалтинг, эксперименты, тесты, диагностика, разработка предложений, развитие гибкости предприятия). Общая тенденция многих фирм к закупке услуг со стороны все же весьма по-разному проявляется в различных отраслях и для предприятий различного типа. Тем не менее, этот процесс подчиняется некоторым базовым закономерностям, среди которых доминирует стремление к минимизации издержек и к гибкости схем организации производства.

Все это призвано обеспечить фирме возможность в условиях быстроменяющегося спроса следовать за вкусами потребителей в борьбе за сохранение и расширение своей доли рынка и, в то же время удержаться на приемлемом уровне рентабельности. Специфика фирмы, местных особенностей ее товарного рынка и конкретной фазы делового цикла определяет конкретную тактику предпринимателей на рынке услуг для бизнеса. Однако, в целом наблюдается стремление к переходу на более гибкие системы найма, все более широко используются контракты на временную работу, все чаще привлекаются фирмы-субподрядчики. Многие фирмы предпочитают сохранять финансовую мобильность и поэтому нередко отказываются от приобретения соответствующих основных фондов, что стимулирует развитие системы аренды оборудования и производственных помещений. Это в свою очередь повышает роль банков, которые нередко выступают посредниками в подобной аренде.

Специфика покупки производственных услуг во многом зависит от частоты их использования, что позволяет выделить определенные типы. При этом следует также обратить внимание на регулярность обращения фирмы за той или иной услугой и на значимость такого обращения. Взаимоотношения фирмы с поставщиком услуг являются долговременными и устойчивыми, если фирма систематически нуждается в них и поставщик является локальным монополистом. Противоположенная ситуация складывается на таком рынке услуг, где запросы эпизодичны и рынок конкурентен, в этом случае отношения покупателя и продавца неустойчивы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер А.С. Город и диалог // Культурный диалог города во времени и пространстве исторического развития. – М., 1996.
2. Город как социокультурное явление исторического процесса / Отв. ред. Э.В.Сайко. – М., 1995.
3. Грац Р. Город в Америке: жители и власти. Москва: Ладья. –1995.
4. Київ і кияни: соціологічні хроніки незалежності / За ред. В.М.Ворони та ін. – К., 2000.
5. Найт Р. В. Устойчивое развитие – устойчивые города. Международный журнал социальных наук. 1993.-№2. – С. 43-69.
6. Хорев Б.С., Безденежных Б.А., Быкова Н.В. Мировой урбанизм на переломе. Москва: МГУ. -1992.
7. Тацуно Ш. Стратегия – технополисы. –М: Прогресс. – 1999.